

— Я уже подготовил для тебя комнату. Переберёшься туда сегодня же вечером, — Чу Ханьюэ сидел на краю кровати, внимательно наблюдая за Цинь Фэном.

Лицо юноши больше не казалось мертвенно-бледным, как в прошлые дни. Он заметно окреп, в глазах появился живой блеск, а взгляд перестал быть застывшим и пустым.

— Кстати, я так и не спросил, как тебя зовут? И сколько тебе лет?

— Меня зовут Цинь Фэн, — юноша на мгновение задумался. О владельце этого тела он не знал ровным счётом ничего, поэтому добавил: — У меня нет родных, и я не знаю своего возраста.

— Цинь Фэн? Тебя действительно зовут Цинь Фэн? — услышав это имя, Чу Ханьюэ невольно сжал пальцы, скрытые в широком рукаве.

«Какое невероятное совпадение... Ведь именно так зовут Бессмертного почтенного Хуаяна».

— Есть ли у тебя второе имя?

Заметив на столе за спиной Чу Ханьюэ свою божественную статую, Цинь Фэн мгновенно всё понял. Этот заклинатель явно знал его имя. Раскрывать правду о своём перерождении смертному было нельзя — это навлекло бы на Чу Ханьюэ гнев небес. Юноша поспешно помотал головой:

— Я всего лишь маленький нищий, откуда у меня второе имя?

Чу Ханьюэ кивнул, решив, что просто слишком много надумывает.

— На вид тебе лет восемнадцать. Горожане говорили, что демоница требовала в жертву зрелых мужчин, так что, полагаю, ты уже совершеннолетний.

— Угу, — Цинь Фэн кивнул и крепче прижал к себе одеяло. — Наставник, на улице пошёл снег, там так холодно... Можно мне остаться? Я боюсь, что замёрзну один.

Чу Ханьюэ всегда ценил тишину и уединение.

— Если боишься холода, спи вместе со своим старшим братом.

«Со старшим братом?» — Цинь Фэн внутренне поморщился. Пусть он и был реинкарнацией демона похоти, но разборчивость не терял. Единственная постель, на которую он по-настоящему хотел попасть, принадлежала этому прекрасному Бессмертному господину Чу.

— Ты его уже видел, это Цяо Цяньли. В ближайшие дни я поручу ему обучить тебя правилам нашей секты, — с этими словами Чу Ханьюэ достал из шкафа пару обуви. — Твои старые туфли совсем развалились. У нас с тобой один размер, так что пока носи мои. Через несколько дней я велю сшить для тебя новую одежду и сапоги.

— Наставник... — Цинь Фэн продолжал искать предлоги, чтобы не уходить. — На улице такой мороз... Позволь мне согреть твою постель.

— В этом нет нужды, — терпение Чу Ханьюэ, и без того скудное, окончательно иссякло.

Он поднял юношу с кровати.

— Живо иди в свою комнату.

«А характер у него не сахар», — Цинь Фэн едва заметно усмехнулся. Ему нравилась эта холодность. Совсем как в его снах — там Чу Ханьюэ говорил тем же ледяным тоном, прежде чем начать издавать совсем другие, куда более мелодичные звуки.

— Наставник, — Цинь Фэн задрал голову, демонстрируя покрасневшие глаза. — Я боюсь, что вы меня бросите. Я хочу каждую минуту быть рядом с вами.

Чу Ханьюэ был из тех людей, чьё сердце тает перед чужой слабостью. Видя это жалкое создание, которое, подобно брошенному щенку, умоляло не оставлять его, он смягчился. Однако его принципы были незыблемы.

— Подожди здесь.

Цинь Фэн, решив, что его план сработал, преданно последовал за ним. Но мастер лишь открыл шкаф, достал свернутый свиток и вложил его юноше в руки.

— Если тебе страшно спать одному и ты не хочешь ложиться со старшим братом, повесь этот портрет Бессмертного почтенного Хуаяна у себя в комнате. Он тебя защитит, — торжественно произнес Чу Ханьюэ.

Цинь Фэн оцепенел.

«И зачем мне вешать на стену самого себя?»

Выйдя за дверь с портретом в руках, он столкнулся с Цяо Цяньли.

— Наставник велел мне проводить тебя, младший брат, — сказал тот.

Цинь Фэн быстро вжился в роль. Прижимая к груди картину, он спросил:

— Старший брат, а Наставник давал тебе такой же портрет?

— Да, — кивнул Цяо Цяньли.

— Он очень любит Бессмертного почтенного Хуаяна, верно? — вкрадчиво поинтересовался Цинь Фэн.

— Угу, — Цяо Цяньли посерьёзnel. — Запомни: никогда не смей говорить плохо о Бессмертном почтенном в присутствии мастера. И не проявляй к нему неуважения.

«С чего бы мне наговаривать на самого себя?» — подумал Цинь Фэн.

— Сегодня отдыхай, а завтра я начну учить тебя правилам секты, — Цяо Цяньли довёл его до порога. — Если что-то понадобится — зови.

— Спасибо, старший брат.

Оказавшись в одиночестве, Цинь Фэн первым делом проверил своё тело. К счастью, перед тем как потерять сознание, он успел изгнать всех красных паразитов, иначе те сожрали бы его божественную силу без остатка.

«Неужели это и есть моё испытание? Кто-то всерьёз вознамерился убить меня, и этот "кто-то" обладает немалой властью. Если попытка провалилась сейчас, они вернуться снова».

Поначалу он думал, что перерождение в мире смертных станет скукой смертной, но теперь игра становилась по-настоящему захватывающей.

***

Этой ночью Чу Ханьюэ не спалось. Он отправился в Башню библиотечных архивов (Цаншулоу) горы Юньцзянь, надеясь найти упоминания о странных красных насекомых.

Он помнил, как вдохнул густое багровое марево, как он одеревенел, а под кожей началось невыносимое шевеление. Но затем это ощущение внезапно исчезло. А Цинь Фэн? Стоило ему вдохнуть тот же туман, как его кожа начала трескаться, а из ран посыпалась золотая пыль — всё, что осталось от красных букашек.

Цяо Цяньли, как и его мастер, отделался лёгким испугом, но реакция Цинь Фэна была иной. И это не давало Чу Ханьюэ покоя. Даже не чувствуя недомогания, он опасался, что красные

букашки всё ещё прячутся в его меридианах, готовые в любой момент проснуться и пожрать его изнутри.

Он просмотрел уже больше половины книг в архиве. Перебирая древние свитки, он безуспешно искал описание красных букашек. Ночь перевалила за середину. Чу Ханьюэ устало зевнул, взял фонарь и собрался уходить.

Он задул свечу на столе, и в тот же миг в комнату ворвался резкий порыв холодного ветра, распахнув окно. Чу Ханьюэ плотнее запахнул рукава и подошёл к окну, чтобы закрыть его. Но не успел он обернуться, как кто-то крепко обхватил его за талию, прижимая к горячему телу.

Чу Ханьюэ застыл. Обернувшись, он при свете луны увидел лицо незваного гостя.

— Бессмертный почтенный!

Сердце пропустило удар. Тот же жар, тот же дурманящий аромат, что и в прошлый раз... Снова сон?

— Я заглянул в твою комнату и, не найдя тебя там, пришёл сюда, — Цинь Фэн — или тот, кто им казался — вновь зажёт свечу на столе. Он ласково поправил выбившиеся пряди волос на лбу мастера. — Почему ты дрожишь? Боишься меня?

Чу Ханьюэ закусил губу, не в силах вымолвить ни слова. Он боялся не Хуаяна — он боялся самого себя. Прошлый сон он списал на проделки демонов, но теперь понимал: это плод его собственного разума. Как он мог допустить столь кошмарные мысли? Неужели всё это время его безграничное почтение к божеству было... нечистым? Неужели в глубине души он жаждал, чтобы Бессмертный почтенный Хуаян поступил с ним именно так?

Ему хотелось дать самому себе пощёчину. Совсем недавно Хуаян спас его, а он платит за это столь грязными фантазиями, оскверняя само имя небожителя.

— Бессмертный почтенный... — Чу Ханьюэ схватил Цинь Фэна за руки и заставил того повернуться к себе лицом. — Это ведь сон?

Тот лишь негромко рассмеялся:

— Конечно, сон. Иначе как бы мы встретились?

Чу Ханьюэ сильно ущипнул себя за руку. Боли не было. Значит, снова этот бесстыдный морок.

«Если это плод моего воображения, значит, я могу им управлять», — мелькнула мысль.

— Бессмертный почтенный, не могли бы вы меня отпустить? — Чу Ханьюэ попытался отстраниться, упираясь затылком в оконную раму. — Я слышал, что Бессмертный почтенный свободен от семи чувств и шести желаний...

— Глупости, — Цинь Фэн с улыбкой покачал головой. — Это всё людские толки. Конечно, у меня есть чувства. Просто моя страсть была запечатана. Видишь ли, я — реинкарнация демона похоти, чью истинную природу сковали печатями. Тяжкое бремя.

Чу Ханьюэ едва не поперхнулся от неожиданности. Каким образом его собственный разум наделил божество подобным прошлым?

— Эта проблема терзала меня десятки тысяч лет, — Цинь Фэн коснулся пальцами переносицы Чу Ханьюэ.

Лицо мастера было безупречно красивым, но в нём не было ничего женственного — лишь суровая, холодная мужественность. Его волевой облик внушал трепет, и мало кто осмеливался даже помыслить о близости с ним. Но Цинь Фэну всегда нравилось совершать невозможное.

Он скользнул пальцем ниже, к тонким губам Ханьюэ. Он придвинулся ближе. В холодном воздухе библиотеки их дыхание смешивалось, превращаясь в единое белое облако.

— Ты — моё исцеление. Только ты можешь избавить меня от одиночества, длившегося вечность.

Чу Ханьюэ смотрел на него широко распахнутыми глазами. Хуаян приближался, пока их губы не встретились. Мастер словно окаменел, лишь мертвой хваткой вцепившись в резные узоры подоконника. Дрожь сотрясала его — этот момент был страшнее любого боя с нечистью, и он не знал, как из него выйти.

Жар охватил обоих. Одежды шорохом опали на пол. Чу Ханьюэ почувствовал, как Цинь Фэн подхватил его сильными руками, и невольно зажмурился, когда резкое, властное движение заставило его судорожно выдохнуть.

Он знал, что не должен видеть этот сон. Знал, что должен сопротивляться. Но тело предало его. Сердце колотилось так, что, казалось, вот-вот выпрыгнет из груди. Сгорая от стыда, он впивался пальцами в спину Цинь Фэна, оставляя на ней алые полосы, и медленно, неумолимо погружался в бездну забвения.

***

Чу Ханьюэ резко вскинулся на постели, жадно хватая ртом воздух. Он судорожно сжимал смятый ворот ночной рубашки. Придя в себя, он с силой вlepил себе пощёчину.

«Почему я позволил этому случиться?!» — в отчаянии подумал он.

Но если бы снами можно было управлять, они не назывались бы снами.

Он поднял взгляд на портрет, висящий на стене. Ему на миг показалось, что лик Бессмертного почтенного смотрит на него с усмешкой. Краска стыда вновь залила его лицо, а в ушах, казалось, всё еще звучало чужое прерывистое дыхание.

«Так продолжаться не может, — прошептал он. — Нужно найти способ... Найти ту самую технику, что запечатывает страсть».

<http://bllate.org/book/17570/1653405>